

Виктор Алюшин

В этом году замечательному амурскому поэту Виктору Георгиевичу Алюшину (3.8.1940 – 27.5.2011) исполнилось бы 75 лет.

Родился он в селе Степном Амурской области. Рос в многодетной семье без отца, поэтому рано пришлось познать, как нелегко достаётся хлеб насущный. Во время каникул он со сверстниками косил сено для совхоза, помогал взрослым убирать зерновые и даже стоял за штурвалом комбайна. Получив паспорт, 16-летний юноша надолго уехал из

родного дома в таёжный край. Работал на комсомольско-молодёжной стройке и вечерами учился в школе. Оттуда, с Севера, призвали в армию. После службы поступил на заочное отделение Литературного института им. Горького. Когда закончил два курса, ушёл в журналистику.

Стихи Виктора Алюшина – небольшие, хорошо огранённые бриллиантики, которые переливаются многими гранями прекрасного русского языка. Прочитав их однажды, запомнишь надолго. Один наш земляк писатель отозвался об Алюшине так: «Он хороший поэт, но маленький». Побольше бы нам таких «маленьких» поэтов — и совсем не нужны колоссы на глиняных ногах. Хочется верить, что наши литературоведы займутся по-настоящему изучением творчества подлинного поэта.

Виктор Георгиевич был не только хорошим поэтом, но и добрым наставником молодых. При его помощи увидели свет многие книжки наших земляков, по его рекомендациям были приняты в творческий Союз многие молодые писатели и поэты. Это именно он создавал Амурскую организацию Союза российских писателей. А его радиопередачу «Солдатский час» хорошо помнит старшее поколение амурчан.

Всего три небольших сборника стихов: «Зелёный зной», «Свет ковыля» и «Туманы северного края» — были изданы при жизни поэта. А писал он не только лирику, но и прозу, басни, критические статьи.

В моём архиве сохранились три его рассказа из неоконченной, к сожалению, автобиографической повести, а также несколько стихотворений, не публиковавшиеся ранее. Предлагаю их читателям.

Павел Никиткин

Рассказы. Стихи

Оазис в степи

Мой первый в жизни крик раздался в амурском селе Степном. И вскоре наша семья, не дождавшись с офицерской службы отца-кормильца, переехала в соседнее село Высокое, где мать могла отдать меня в детские ясли, а сама устроиться на работу.

Село назвали Высоким потому, что оно находилось на возвышенности. И здесь была всего одна улица, и та безымянная. Начинаясь в степи, она тянулась по ровному увалу и заканчивалась на самой кромке крутого склона. А дальше уходила вниз густая, почти непролазная чаща. Там попеременно с че-

рёмухой, боярышником и орешником стояли величественные берёзы и осины. Понизу рос и достигал невероятных размеров лопух, на дне сырых овражков накапливал силы в суставах папоротник, широкими жилистыми листьями покрывал затоптанные до глянца тропинки подорожник и огненно-розово цвёл шиповник. Когда наступал август и шли тихие, негрозовые дожди, под осинами и берёзами, взрыхляя чернозём и раздвигая травяной покров, выбирались наружу грибы. Так что никто из моих земляков, даже случайно оказавшихся в этом степном оазисе, не уходил домой с пустыми руками.

Окраину чащи, а по-местному — сада, занимала пасека. Её мы, мальчишки суровых послевоенных лет, старались обходить стороной. И не из-за страха перед пчёлами. Даже в мыслях никто не совершал набегов на притулившиеся к деревьям ульи. Тогда на всё не родное, то есть государственное, налагалось табу — строжайший запрет. Допустим, возьмёшь весной в поле уже сгнивший картофель — и тебя, несмотря на твой детский возраст, отдадут под суд.

Всех сельчан особенно пугали «чёрные вороны» — автомобили-фургоны с решётками на окнах, которые приезжали, как правило, под утро и увозили людей, неизвестно за что и неизвестно куда. Детвора больше всего боялась за своих матерей. Отцы-то ещё не все вернулись с войны. Одни вообще никогда не вернутся, другие вернутся, но через много лет, когда их дети станут взрослыми. И эти узники гитлеровских и сталинских лагерей будут искалеченными и больными. И недолго им придётся топтать грешную землю...

До сих пор по ночам мне снится старик с рыжей окладистой бородой и добрыми, постоянно смеющимися глазами. Жаль только, что фамилия пасечника (да пусть он простит меня на этом свете) с годами стёрлась в моей памяти. Его все звали дедушкой, хотя ему не было и пятидесяти. Семью фронтовика расстреляли оккупанты. Поэтому и оказался он на Дальнем Востоке.

Поначалу, как только старик появился в селе, мы его побаивались. Кто он? И что у него на уме? А вдруг беглый каторжник... Но однажды летом, когда детвора играла на улице в лапту, он подошёл и попросился в нашу компанию. Мы удивились, переглянулись, и один из нас уступил ему своё место. Играл дедушка здорово!

С тех пор пасечник часто приглашал нас к себе в гости. На его территории росло несколько ветвистых лип. В тени под ними светилась майским жёлтым одуванчиком свежесрубленная избушка с резными наличниками на дверях и окнах. Чуть поодаль стоял длинный стол с лавками по обеим сторонам. Хозяин рассаживал нас так, чтобы мы не мешали друг другу. Потом наполнял янтарным мёдом глубокие алюминиевые миски и подавал каждому отдельно. При этом не забывал нарезать крупными ломтями свежего пшеничного хлеба. Скиталец-бобыль догадывался о нашем постоянном недоедании...

То место в стране, где человек появился на свет, принято называть «малой родиной». Только мне сегодня не очень хочется бывать там. От села Степного осталось одно пепелище. А красавицу чащу в селе Высоком на дрова и всякие поделки вырубали под корень мои дорогие земляки...

Тихая охота

Завтра — мой праздник! Завтра я еду по грибы! До этого знаменательного для меня события, приход которого жду долгие зимние месяцы, остаётся целая ночь, а сердце уже замирает от радостного предчувствия тихой охоты.

Каждый волен выбирать себе дело по душе. Для меня процесс поиска и собирания грибов не сравним ни с каким другим родом занятий, освоенных человеком давным-давно, более того, одухотворённых им, возведённых в ранг особо любимых и почитаемых.

Когда на утренней зорьке охотишься на зверя или птицу, ты лишаешь их жизни, а ранив, обрекаешь на мучительные страдания. Гриб же сам просится в руки. Когда его срезаешь, не издаёт предсмертных воплей, только тягуче скрипит под лезвием ножа.

Правда, учёные-биологи, проводящие опыты с растениями, утверждают, что представители флоры тоже наделены чувствами, присущими живым организмам. Но ведь с наступлением осени любой цветок и любая травинка подвергаются неотвратимому истязанию холодом. И спасти весь растительный мир от неминуемой гибели никто не в силах.

Впервые в жизни я увидел грибы, когда мне было лет пять-шесть. Название у грибов было мудрёное, труднопроизносимое — шампиньоны... Такого слова ни я, ни мои сёстры и брат вообще не знали, хотя мать по вечерам часто читала нам Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Бианки...

Наша многодетная семья жила тогда в сельской степной глубинке Приамурья. Степь степью, но в округе в те времена, как оазисы в знойной пустыне, простирались попеременно с полями осиново-берёзовые рощи и кустарники. В них водились волки, лисицы, енотовидные собаки, барсуки, косули, фазаны и даже ежи! Здесь на полянах мои земляки и собирали голубицу, клюкву, землянику и, конечно же, грибы.

Затенённое кронами деревьев пространство как-то естественно и плавно переходило в массивы золотой пшеницы или зелёного овса, а то и вовсе в опалённое солнцем разнотравье. Сменяя друг друга, эти два ландшафта веерами расходились в разные стороны и скрывались за горизонтом.

В то утро мать подняла нас рано-рано. Не дав нам окончательно проснуться, ласково спросила:

— Кто пойдёт со мной по грибы?

Несмотря на то, что за окном моросил дождь, мы хором закричали:

— Я! Я! Я!

Промолчала только старшая сестра. Пока мать доила на ферме коров, Римма затеяла печь блины. Она в одной руке держала дымящуюся, уже с жидким тестом сковороду, а другой, как опытная домохозяйка, прочищала иголкой горелку примуса.

Наскоро позавтракав и накинув на головы льняные мешки, мы шумной оравой выбежали на улицу. Уже за околицей села, на краешке выгона для скота, возле нашей тропинки появились удивительные, похожие на стайку непоседливых цыплят создания. Белоснежные, пушистые, они среди яркой зелени мо-

крых трав смотрелись объёмно и чётко. Мать всплеснула от восторга руками, а мы, разинув рты, застыли как вкопанные.

Сеялся мелкий дождь, оседая на землю водяной пылью. Воздух был напоён мягкой предосенней теплыней. И в этом захолустном великолепье невидимо, но физически осязаемо струился тонкий запах степных шампиньонов.

Волки

Они приходили к деревне под утро. И приходили всегда в одно и то же время, как поезда по расписанию. Следы их мощных когтистых лап замысловатыми узорами отпечатывались на уже подтаявшем февральском снегу, бросали вызов всему живому. А начинались эти следы в дальнем, затерянном среди степных холмов распадке. То испещрённое песчаными оврагами и покрытое густым кустарником место хищники облюбовали не случайно. Ещё со времён Гражданской войны там осталось массовое захоронение домашних животных, павших от сибирской язвы.

В летнюю пору дорога к скотомогильнику зарастала разнотравьем, зимой тоже мало кто по ней ездил. И вообще жители нашего села боялись приближаться к распадку. Только механизаторы из любопытства наведывались туда на тракторах, да иногда какой-нибудь ехавший на санях за сеном мужик, пустив лошадей в галоп, проскакивал мимо скотомогильника. По их рассказам, в распадке появилась большая волчья стая с выводком. Её якобы привела из тайги в степной край бескормица.

И вот эти четвероногие незваные гости, вторгшись в самую густонаселённую среду обитания человека, стали относиться к нему с явным пренебрежением. Могли даже днём выставить себя напоказ перед всем селом. Как-то, цепочкой пробегая по огородам, хищники остановились, присели и долго-долго смотрели на дымящиеся печными трубами дома, на людей, высыпавших на улицу, и заливающихся истошным лаем собак.

Я и старший брат Толя, спавшие на лежанке за печкой, проснулись среди ночи от шума. Кто-то настойчиво стучал в окно. Плохо закреплённое стекло дребезжало и издавало тягучие звоны. Мать поднялась с кровати, зажгла керосиновую лампу и, держа её перед собой, в тапочках прошлёпала во вторую половину дома. Оттуда донёсся голос нашего соседа, деда Игната:

— Живо собирайся, Настя! Волки твою Машку задрали.

Мать ойкнула, вернулась в комнату, сунула ноги в валенки и выбежала из дому.

Нам было уже не до сна. Перебравшись на кухню и прильнув носами к окну, мы сквозь наплывы льда всматривались в ночную темень. С улицы доносились крики, плач... Потом дверь отворилась, и в её проёме показалась свиная голова. Машка остановилась, но не захрюкала, потому что от рождения была немой. Мать помогла ей переступить порог. И только тогда мы увидели на Машкином боку огромную рваную рану, из которой сочилась густая ярко-рыжая кровь.

Мать принесла из сеней рогожку, и свинью уложили между лавкой и печкой. Вскоре появился совхозный ветеринар. Поставив сумку на пол, он опустился перед Машкой на колени, покачал головой и без жалости в голосе произнёс:

— Она супоросная. Жди, Настя, приплода.

— Дотянет ли? — засомневалась мать. — Соседи советуют прирезать...

— Не слушай болтунов! Вот сейчас обработаем рану, покроем мазью. Глазом не успеешь моргнуть, как заживёт, — окончательно успокоил мать ветеринар.

А случилось следующее. Дед Игнат ночью вышел во двор по нужде. Заодно заглянул в хлев, подбросил коровам и овцам сена. Понадёжнее подпёр бревном курятник, чтобы лиса ненароком не забралась. Когда возвращался в дом, услышал возню на улице. Подходя к калитке, старик через штакетник забора увидел еле различимую на фоне снега белую свинью и клубок серых извивающихся теней. Подумал: «Собаки взбесились, на соседскую Машку напали. Но почему молча? И куда они её ведут? Не сон ли это? Вроде нет».

Одна собака, вцепившись зубами в обвислое Машкино ухо и упершись всеми лапами в снег, тащила свинью за собой, а ещё три жадно хватали её за бока и ноги. Едва дед Игнат с оглоблей в руках оказался возле неравной схватки, как все собаки разом отскочили в сторону, оцетинились и оскалили зубы. Только тогда до старика дошло, что перед ним — настоящие волки...

После той кошмарной и суматошной ночи мы с Толей проспали до обеда. И только нестерпимое желание поскорее выбежать на улицу подняло нас с постели. В прихожей увидели сразу трёх женщин: мать, разумеется, и двух сестёр — девятилетнюю Римму и двухлетнюю Нину. Римма помогала матери кормить Машку, а Нина стояла в сторонке и, засунув в рот палец, конечно же, рассуждала: «Какая огромная, как чавкает... И откуда свалилась на мою голову?»

Отбитая от волков и сильно израненная Машка до тёплых весенних дней оставалась в доме. Окружённая всеобщим вниманием и заботой, жила, точно королева. А в апреле, как бы в благодарность за это, она подарила хозяйке Насте и четырём её детям четырнадцать здоровых розовых поросят. Если бы вернулся с войны отец — порадовался бы вместе со всеми...

ГОЛУБИНАЯ ФЛЕЙТА

Мы живём в домах Арбата
И среди чертополоха.
Разве птица виновата
В том, что ей живётся плохо?

У неё на свете этом
Нет жилья и даже пищи...
На асфальте перегретом
Птица корм случайный ищет.